

А.И. Терюков

БЕРЛИНСКИЙ ФОНОГРАММАРХИВ В ЛЕНИНГРАДЕ В 1948–1958 гг.

Вторая мировая война стала крупнейшей катастрофой XX в. Она привела не только к массовой гибели людей, разрушению городов и промышленных предприятий. Одновременно война привела к массовым перемещениям культурных ценностей. Сначала этим занималась Германия, а потом — страны-победители. Сегодня ни для кого не секрет, что в 1944–1945 гг. в Советском Союзе оказались значительные коллекции предметов искусства из немецких музеев, архивов, библиотек и т.д. Во многих случаях история их перемещения в СССР до настоящего времени окутана тайной. Но надо вспомнить и о том, что часть из них позднее была возвращена в ГДР, как, например, Дрезденская галерея. Так случилось и с частью Берлинского фонограммархива, которая с 1945 по 1958 г. находилась в Ленинграде, в Институте этнографии АН СССР.

Берлинский фонограммархив (Berliner Phonogramm-Archiv) был создан в 1900 г. К. Штумпфом (Carl Stumpf), психологом О. Абрахамом и австрийским музыковедом, этнографом и психологом Эриком Морицом Хорнбостелем (Hornbostel, Erich Moritz von) в Институте психологии при Берлинском университете. Эрик Хорнбостель возглавлял фонограммархив до 1933 г., когда он был вынужден эмигрировать в США после прихода А. Гитлера к власти. В 1934 г. фонограммархив был включен в состав Берлинского Музея народоведения (Museum für Völkerkunde) [Ziegler 2006; Денисов, де Граф 2008]. Хорнбостель был одним из создателей так называемого сравнительного музыкознания. Он впервые обосновал необходимость изучения музыки народов мира посредством сопоставления таких ее характеристик, как ладовая система, мелодика, метроритмика, инструментарий и т.д. Благодаря Хорнбостелю в сравнительном музыковедении утвердился подход, предполагающий обязательное привлечение культурно-исторических данных для интерпретации музыкальных феноменов. Хорнбостель первым использовал методы и данные этнографии, психологии, акустики и инструментоведения в музыковедческих исследованиях. Начиная с 1906 г. Хорнбостель участвовал во многих этнографических экспедициях на всех континентах, из которых привозил звукозаписи музыки разных народов. Его многочисленные (свыше 100) исследования, впервые осуществлен-

ные на основе анализа звукозаписей японской, китайской, индийской, арабской, африканской и другой музыки, до сих пор остаются образцовыми. Хорнбостель создал также полную и точную систему классификации музыкальных инструментов, которая впоследствии стала общепринятой. В годы Первой мировой войны под его руководством были осуществлены массовые записи фольклора среди военнопленных русской армии.

История появления фонограммархива в Советском Союзе не ясна. Судя по хранящимся в настоящее время в архиве МАЭ РАН, который является правопреемником Ленинградской части Института этнографии АН СССР, материалам, фонограммархив оказался в зоне действия Красной Армии в конце 1944 — начале 1945 г. Также пока не ясно, где он находился до появления в Ленинграде в 1948 г. Во всяком случае известно, что 2.02.1948 г. фонограммархив в количестве 49 ящиков прибыл в Ленинград из Московской части Института этнографии АН СССР и был перевезен на Васильевский остров [Архив фоновалики: 2]. Кто инициировал перевозку этих материалов в Ленинград, также неизвестно. Из докладной записки завотделом учета и хранения музейных фондов ИЭ АН СССР И.Я. Треногова становится ясно, что они были направлены без согласования и предупреждения [Архив фоновалики: 22–23]. Кроме того, со слов И.Я. Треногова, инициатором передачи фонограммархива был Е.В. Гиппиус. Лишь в конце июня — начале 1949 г. специальная комиссия под руководством крупнейшего советского этномузыковеда проф. Е.В. Гиппиуса, в то время старшего научного сотрудника фольклорного сектора ИЭ АН СССР, вскрыла и разобрала прибывшие ящики. И здесь начинаются неточности.

В Ленинград в феврале 1948 г. прибыло 49 ящиков, а осмотрено было 45 ящиков. Почему возникло такое разночтение, не отмечается. Согласно акту комиссии, в них оказались 2273 восковых фоновалики, 5006 пластмассовых фоновалики, 7199 матриц. Кроме того, комиссия отметила, что 47 восковых и 241 пластмассовый валик были разбиты из-за плохой упаковки. Таким образом, в Ленинграде оказалось 14 478 единиц хранения Берлинского фонограммархива [Архив фоновалики: 4–5]. Комиссия подробно и детально описала упаковку материала, состояние валиков, их предварительную очистку от грязи и плесени и составила черновую опись на 133 листах всего прибывшего в Ленинград материала (в настоящее время она хранится в МАЭ). В ней приводятся сведения о собирателе (исследователе), регионе записи и, что самое важное, физическое состояние каждого валика [Рабочая ведомость]. Из этого акта видно, что какое-то время нераспакованные ящики нахо-

дились в Москве, в Музее народов СССР. В акте также указываются и немецкие номера, и нанесенная надпись «PhonA», что позволяет говорить о том, что они были упакованы еще в Берлине в конце 1944 — начале 1945 г. сотрудниками Фонограммархива и были подготовлены к эвакуации или были эвакуированы из Берлина. Известно, что с началом массированных бомбардировок союзниками немецких городов германские власти вывезли большое количество культурных ценностей в провинциальные города, чтобы сохранить их. Прибывшие материалы были уложены при упаковке в специальные круглые коробки-футляры по одной штуке. Футляры были уложены в четырехугольные коробки из гофрированной бумаги по 15, 24, 30 штук. Каждый ящик вмещал в себя от 10 до 27 коробок.

Сразу после этого возникают серьезные проблемы. В Ленинграде не было мест для размещения этих коллекций. Их пока расположили в здании Кунсткамеры, так как предполагалось в 1950 г. вернуть их обратно в Москву. Но в 1950 г. передача не состоялась. Вместо этого записи оказались в фонограммархиве Института русской литературы. В 1951 г. Е.В. Гиппиус пишет большую докладную записку на имя директора Института этнографии АН СССР проф. С.П. Толстова о состоянии дел с фонозаписями в Ленинграде. Одновременно он направляет копию своей записки в Министерство государственного контроля СССР. Ознакомившись с немецкими материалами и фонограммархивом Института русской литературы АН СССР, он отмечает крайне сложную ситуацию с хранением записей: отсутствие профессиональных специалистов, современного оборудования, помещений и т.д. Он высказывает недоумение по поводу кадровой политики ИРЛИ, когда из института были уволены технические специалисты, готовые работать с валиками, и т.д. Он предлагает в срочном порядке скопировать фонды Берлинского фонограммархива, но сохранить их за Ленинградским отделением Института этнографии, передав сюда другую часть немецких материалов, которые в это время находились в Московской консерватории. Причем он предлагает вернуть все немецкие записи в Ленинградское отделение ИЭ АН СССР вместе со штатом гальванической мастерской и оборудованием. Он отмечает, что в любой момент может встать вопрос о возврате уникальных материалов в демократическую Германию и советская этнографическая наука лишится необходимых для нее источников. Е.В. Гиппиус сетует на плохую подготовку этномусыковедов [Архив фоновалики: 13–20].

В продолжение нескольких лет ряд учреждений АН, включая Ленинградский обком КПСС, были втянуты в тяжбу между собой, чтобы

определить, кому хранить эти валики и записи. Было проведено несколько заседаний. На них преобладало мнение о том, что весь берлинский фонограммархив должен быть передан в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), который имел свой фонограммархив. Но Пушкинский Дом категорически отказывался принять его, заявляя, что поступивший немецкий материал непрофильный ИРЛИ, так как содержит записи народов Европы, Азии, Африки, Австралии, Америки, а не русский. Причем все участники дискуссии заботились о сохранности записей, считая, что каждое из этих учреждений не может обеспечить именно это. В 1952 г. Архив АН СССР просит Президиум АН СССР передать трофейное собрание в Пушкинский Дом. В ответ дирекция ИРЛИ пишет, что не может принять его по той причине, что из более 14 000 валиков к русскому народному творчеству относятся всего лишь 48, а остальные — непрофильные [Архив фоновалики: 33].

В 1953 г. возникла идея передать трофейный материал в Институт мировой литературы. В том же году этим материалом заинтересовалось Министерство государственного контроля СССР. В ответ на его обращение ЛО ИЭ АН СССР подтвердило большую научную ценность этого собрания.

В 1954 г. новая комиссия Президиума АН СССР впервые поставила вопрос о том, что так как эти фольклорные записи до войны принадлежали Германии и являются трофейными, то нужно принять правительственное решение об их дальнейшей судьбе. В документе снова указывается, что хранящиеся в Ленинграде материалы являются частью берлинского собрания и необходимо объединить их с фондами, хранящимися в Московской консерватории. Из заключения комиссии видно, что записи в это время хранились в одной из комнат фондов МАЭ на антресолях Главного здания Академии наук (Университетская наб., д. 5).

После этого судьбой коллекции занялся отдел науки и культуры ЦК КПСС, который потребовал в октябре 1954 г. от Ленинградского отделения Института этнографии подробнейшую информацию о ее судьбе. В справке, представленной дирекцией ЛО ИЭ АН СССР в ЦК, указывается, что вопрос о судьбе фонограммархива в течение 1951–1954 гг. поднимался 12 раз, в том числе дирекция три раза обращалась в Министерство госконтроля. Но вопрос снова не был решен, материалы продолжали числиться за ИЭ АН СССР, а физически хранились в фонограммархиве ИРЛИ. В 1955 г. было принято решение начать копирование на магнитофонную ленту немецких материалов силами сотрудников ИРЛИ, хотя они и противились этому. Сотрудник ИРЛИ Б.М. Добровольский в своей записке от 4 апреля 1956 г. впервые ставит вопрос

о возможной передаче немецких материалов в ГДР и отмечает, что *«не исключена возможность возникновения спора о принадлежности коллекций разным странам и наследникам лиц, организовавших этот архив»*. Эта идея, по-видимому, возникла после передачи ГДР Дрезденской галереи и Готской библиотеки. Далее Б.М. Добровольский, исходя из уникальной научной ценности записей, предлагает интенсифицировать их копирование. Он впервые описывает алгоритм проведения копировальных работ, выявления первостепенного материала, а также привлечения к этой работе человека, знающего немецкий язык.

Тридцатого июня 1958 г. Президиум АН СССР издает специальное распоряжение о передаче Германской Демократической Республике культурных ценностей, спасенных Советской Армией и вывезенных на территорию СССР и хранящихся в учреждениях АН СССР. Данное распоряжение было принято на основе решения Правительства СССР от 17 июня 1958 г. Уже 30 июля 1958 г. в Ленинграде состоялось заседание комиссии при ЛО ИЭ АН СССР, которая должна была начать подготовку передачи немецких материалов. Но даже в тот момент не было ясно, будут ли переданы фольклорные записи. Вопрос состоял в том, где находилось учреждение-правообладатель. В постановлении Правительства было написано, что коллекции передаются ГДР. Фонограммархив находился в помещении так называемого Старого музея в Университетском квартале и его административный статус не был ясен. Поэтому было принято решение уточнить эту специфику [Архив фоновалики: 68–69]. Кстати, именно это обстоятельство позволило оставить в Ленинграде громадный фонд этнографических коллекций Берлинского Музея народоведения (ок. 37 тыс. предметов, более 22 тыс. фотографий и 257 коробок карточных каталогов), который был передан ГДР уже в начале 1980-х годов. Но это уже другая история.

Оставляя за скобками перипетии подготовки фольклорных записей к новому поезду (технические мероприятия, подготовка тары, упаковка, сам процесс упаковки и т.д.), остановимся на двух моментах. Первый — копирование. Это был сложный процесс, так как был установлен срок передачи материалов немецкой стороне 1 сентября 1958 г. Этот срок по согласованию с заинтересованными сторонами был продлен до 1 ноября 1958 г., а реально отодвинулся до конца ноября, так как только 11 августа 1958 г. Комиссия по передаче трофейных фондов АН СССР приняла решение о копировании звукозаписей. По согласованию сторон подлежало сделать копии с 2000 валиков.

Второе обстоятельство было более сложным. В ходе тщательного осмотра берлинского собрания в нем была обнаружена коллекция фоно-

записей (167 валиков) большого количества деятелей русской культуры, принадлежавшая первому русскому филофонисту Юлию Блоку. Поэтому заведующий фонограммархивом ИРЛИ Б.М. Добровольский поставил вопрос об оставлении в Ленинграде оригиналов этих записей, находившихся в СССР до 1928 г., а ГДР передать магнитофонные копии [Архив фоновалики: 79]. 10 октября 1958 г. решение было принято, и оригиналы, как уникальные звуковые документы русской культуры конца XIX — начала XX в., остались в СССР.

Согласно акту от 19 декабря 1958 г., эксперт Министерства культуры ГДР Макс Васселаутски принял от Института этнографии АН СССР 14 430 единиц хранения Берлинского фонограммархива для возвращения в Берлин. 11 декабря 1958 г. этот груз был отправлен в ГДР с Витебского вокзала Ленинграда. Так закончилась ленинградская одиссея немецких фонозаписей.

Библиография

Архив фоновалики. Архив МАЭ РАН. Оп. 15. № 8.

Денисов В., Граф Т. де. Сохранение звукового наследия народов Удмуртской Республики: опыт ведущих звуковых архивов мира // Россия и Удмуртия: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 2008. С. 866–878.

Рабочая ведомость внешнего осмотра фоноваликов и матриц особого фонда МАЭ АН СССР. Архив МАЭ РАН. Оп. 15. № 7.

Ziegler S. Die Wachszyylinder des Berliner Phonogramm-Archivs // Staatliche Museen zu Berlin. 2006.

М.Ф. Хартанович

ГРАФ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ УВАРОВ: ОТ «ПРОЕКТА АЗИАТСКОЙ АКАДЕМИИ» ДО АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ В КУНСТКАМЕРЕ

С именем Сергея Семеновича Уварова связано становление в России самостоятельной отечественной системы образования и организации науки. Сергей Семенович Уваров родился 25 августа 1786 г. в Петербурге в семье подполковника конной гвардии, адъютанта Екатерины II.